

от друга не могли скрывать? Развѣ человѣческія отношенія, человѣческое счастье подчас не обусловлены «спасительной ложью»? Случай, приключившійся с свояченицей Дюмулена, Генриеттой, заставил его задуматься и над таким вопросом: не угрожает ли психографъ уничтоженіем возможности самообмана, на котором подчас зиждется человѣческое счастье? Обаятельная женщина, по уши влюбленная в своего мужа, жизнерадостная и счастливая, — так по крайней мѣрѣ казалось всѣм окружающим, Генриетта, послѣ психографическаго сеанса, покончила с собой. Психограмма открыла — не только другим, но и ей самой, что она — глубоко несчастный человѣкъ.

Американская компанія, приступившая к эксплуатаціи изобрѣтенія профессора Хикей, процвѣтала недолго. Послѣ перваго «бума», спрос на психографы стал падать, а скоро о нем вовсе позабыли. Люди рѣшили, что легче жить без этого изобрѣтенія. Сам изобрѣтатель, в концѣ концов, разочаровался в нем: «внутренній рѣчи, — сказал он, — не менѣе обманчивы, чѣм публичныя». Таково, повидимому, и мнѣніе автора.

М. Бенедиктов.

Edouard Herriot. — «Lyon n'est plus». — Paris, Hachette 1938.

Заглавіе этой книги взято из общеизвѣстнаго декрета Конвента: «Лион возстал против свободы; Лиона больше нѣтъ». Профессиональный историк, вѣроятно, не избрал бы для своего труда столь литературнаго заглавія. Это само по себѣ как будто свидѣтельствует о двойственном характерѣ книги: рядом с богатым аппаратом учености, есть в ней и такія страницы, каких в университетских научных трудах не встрѣтить. Так, по поводу сраженія при Вальми, автор в лирическом отступленіи описывает природу края, перечисляя очень подробно растущіе там цвѣты (чуть не вся страница 253); в главѣ о присоединеніи к Франціи Савойи, Эррио немало говорит о Жан-Жакѣ Руссо, об его любовном романѣ, цитирует отрывки из относящихся к области старинных поэм (в этой главѣ, быть может, сказался политическій дѣятель, озабоченный нынѣшними отношеніями между Франціей и Италіей: надо было показать чисто французскій характер Савойской провинціи, столь часто мнѣнявшей судьбу). Упоминаю об этом отнюдь не в осужденіе автора. Думаю, что так можно, а иногда и необходимо, писать историческіе труды. Во Франціи же традиція Мишле дала гораздо больше прекрасных исторических книг, чѣм та школа, которая, вмѣстѣ со всѣм нѣмецким, восторжествовала в Сорбоннѣ послѣ 1870 года.

Эррио в настоящем своем изслѣдованіи продѣлал очень большую работу. Приходится даже удивляться, как нашел для нея время столь занятый политическій дѣятель. В книгѣ о Бетховенѣ он удивил нас своей музыкальной эрудиціей. В трудѣ о революціи в Лионѣ он безпрестанно цитирует неизданные документы, взятые не только из парижскаго Национальнаго Архива, но и из многих других, в том числѣ и иностранных *). Эррио нашел, напримѣр, в Британском музеѣ интересное письмо о лионских событіях; к немалому нашему удивленію,

он цитирует даже статьи на польском языкѣ, ссылается на частную библиотеку графа Пшездецкаго в Варшавѣ. Автор «Ліона больше нѣтъ» безспорно один из ученѣйших политических дѣятелей Франціи.

Его книга заключает в себѣ подробный и обстоятельный разсказ о событіях в Ліонѣ в пору революціи. Пока вышел только первый том, заканчивающійся на возстаніи 29 мая 1793 года. До борьбы Паризжа с Ліоном дѣло еще по существу не дошло. Нѣсколько лѣтъ тому назад я слышал в Сорбоннѣ блестящую по формѣ (говорит он, конечно, лучше, чѣм пишет) лекцію Эдуарда Эррію, гдѣ он высказался и о дальнѣйших событіях 1793 - 4 годов. Повидимому, цѣль его заключалась в том, чтобы, по принятому выраженію, провести новую линію к событіям девятаго термидора. У меня, однако, не было впечатлѣнія, что такая линія им найдена, — да и едва-ли можно было бы провести ее из Ліона. В первом томѣ настоящаго труда ничего об этом нѣтъ. Но о мѣстных событіях в городѣ, ставшем для Эррію родным, он сообщает немало новаго и интереснаго.

В книгѣ виднаго государственнаго дѣятеля, относящейся к французской революціи, читателя, естественно интересует и политическій подход. У нас нѣтъ никаких основаній относить сочувственно к тому, что Эррію в свое время писал о совѣтской революціи и о большевиках (кажется, он с той поры нѣсколько охладѣл к СССР). Но его пониманіе событій 1793 - 4 годов представляется нам, насколько можно судить по первому тому, разумным и основательным. Во всяком случаѣ, в книгѣ нѣтъ и слѣдов того культа Робеспьера, который столь странным образом был возрожден нѣкоторыми историками новѣйшей, послѣ-Оларовской школы. Еще недавно Альбер Матіез вполне серьезно писал, что «Робеспьер воплощал в пору Террора умѣренность, снисходительность, честность», что он был образцом демократіи в ея настоящем, не знающем компромиссов видѣ («Robespierre terroriste», стр. 35 и 37). В противоположность этому Эррію замѣчает: «В драмѣ, которую мы изучим, выясненный или скрытый руководитель всегда — Робеспьер; он поощряет не умѣренность, а эксцессы; доказав это, мы надѣемся способствовать выясненію личности самаго значительнаго дѣйствующаго лица революціи» (стр. 7-8; см. также стр. 356). — Как понимать слово «значительный»? Мирабо, Дантон, Карно, нѣкоторые из жирондистов были гораздо крупнѣе Робеспьера. Но то, что автор книги говорит о роли «неподкупнаго» в террорѣ, совершенно справедливо.

*) Французскіе историки сравнительно рѣдко пользуются иностранными матеріалами, относящимися к внутренним дѣлам революціонной Франціи. Так, мнѣ не приходилось встрѣчать в трудах о событіях девятаго термидора ссылок на интереснѣйшія, незамѣнимыя записки англійскаго шпіона, который в разгар террора, под видом столяра, работал в Тюльерійском дворцѣ, в двух шагах от комитета общественнаго спасенія (Raoul Hesdin. *The Journal of a spy during the reign of terror*). Кто знает, какіе люди работают и теперь, скажем, рядом с политбюро?

— «Одна фраза, произнесенная Эбером», — пишет Эррио, — «была в большей мѣрѣ причиной его гибели, чѣм грубая кампанія «Пэр Дюшен». Кто может расцѣпить значеніе, выпавшее на долю какого-либо слова, сказаннаго Фуше на ухо тому или другому участнику заговора термидоріанцев?... Величайшее терпѣніе необходимо, чтобы выяснить переплетавшіяся интриги эбертистов, дантонистов, робеспьеристов. В жизни народов бывают такіе періоды, когда мѣсяцы считаются за годы, недѣли за мѣсяцы, дни за недѣли. Революція глубоко потрясла всю нашу землю. Какое в ней разнообразіе! Есть в ней сцены настолько грубыя, что от них идет смѣшанный запах вина, мочи и крови. Но есть и такія сцены, как в дни термидора, когда человѣческая энергія доходит до героизма. В арміи — патриотизм во всей его красѣ: знамена первой республики колышет чистѣйшій идеализм. У ораторов же, руководящих дѣйствіем, то безудержное злоупотребленіе метафорами, нелѣпые образы, комическое искаженіе древних образцов, то мощное краснорѣчіе, сжатое в слова, исполненныя смысла» (стр. 16).

С поправками на красоту слога, это, думаю, близко к истинѣ. Точка зрѣнія политическаго дѣятеля, хорошо знающаго по опыту как творятся в мѣрѣ историческія дѣла (все равно большія или малыя), здѣсь сходится с точкой зрѣнія историческаго романиста. Но не всякій вождь радикальной партіи рѣшился бы сказать о Робеспьерѣ и, особенно, о термидорѣ то, что сказал о них Эдуард Эррио. Подождем второго тома: в нем, вѣроятно, выяснится, что именно противопоставляет «робеспьеризму» в событіях той эпохи автор книги «Ліона больше нѣтъ». Историки французской революціи, по столѣтней традиціи, почти всегда «обожают» того или иного из ея дѣятелей. На стр. 333-ей Эррио нескользь говорить о «добротѣ» Дантона. Конечно, «дантонизм» много лучше, чѣм «робеспьеризм». Но и этот, тоже не очень новый, культ был весьма поколеблен новѣйшими изысканіями — еще при жизни его знаменитаго представителя во французской исторической наукѣ.

М. Алданов.

Victor Serge. — «Destin d'une Révolution. U.R.S.S. 1917-1937». — Paris.

Yvon. — «L'U.R.S.S. telle qu'elle est». Préface d'André Gide. — Problèmes et Documents. N.R.F.

Эти книги имѣют очень много общаго, хотя есть и разное. Общее — в описаніи и критикѣ; разное — в положительных выводах того и другого автора. Полезно быть предупрежденным относительно положительных выводов каждаго из них для того, чтобы имѣть возможность внести поправку на угол зрѣнія, под которым ведется изложеніе и критика.

Виктор Серж - Кибальчич, как был, так и остался, и послѣ продѣланнаго им тяжкаго совѣтскаго опыта, сторонником Октября, доктринером «пролетарской революціи», оппозиционером слѣва, «троцкистом». Даже пройдя чрез мучительства Чека, автор не ощущает особаго омер-